

Маршал веры.

Книга третья

femme acousteit son filz le dieu
 que me fust p...
 ismen feust m...
 ion son royaulme jusq...
 ie son filz fen fton a...
 fil auenoit que ce...
 e les douze p...
 raulme eussent conseil et aduie
 treus den ordonnez et le donna
 et acellui qui auoir le deuoir
 o droit. **E**n uice le roy charles
 auoit enuiron passies lan
 grace mille trois cens vintehn
En demourant une quarente
 ces que la royne accoucha du
 fille de quoy le plus du royaulme
 furent diuement courrouce
 Quant les douze p... et les ba
 is de france se virent ce p...
 vent appareis au plus cost qu'il
 uent et de commun accord don
 ent le royaulme a me sire p...
 allors filz iadn au conte de bal
 s et en offerent la royne d'auoir
 et le roy son filz qui estoit sevr
 mame au roy charles de re
 uement mort pour my son de
 nult disoient que le royaulme
 anee est de si grant noblesce q...
 dit me par succesiion a leu a
 ielle ainsi comme vous auiez ouy
 Quant au commencement de ce
 e et furent recellui me sire p...
 e conuincus lan mil ccc vint
 ou de la comite dont apres tuit
 erre et grant de solacio aduint
 royaulme de france Et en plu
 us p... comme vous poures
 uenir ce l'histoire. **E**n f...
 es que ce roy p... fut conuinc
 une q... semoier ces prompces

le femme et toutes les femmes d'armes
 lale auoir son roy... de uers cassel
 ene qui esto
 vent reueille auoir son meue, mesme
 mient ceulx de bruytes ceulx d'apre et
 rime m... de bace si qu'il
 ne pouoit nulle part en son pays de
 mouuer fors que a grand encores b...
 eshauchement. **E**n desconfist adonc
 que le roy p... bien y... flamens
 qui auoient fait un capitaine nomie
 Colin d'armelme hardy homme et
 couraigeux diuement Et auoient
 le son flamens faite leur trauison
 de cassel au commandement et aux
 hautes des villes de flandres pour auoir
 de ces fiancierecs la endoit et bon di
 uer comment ces flamens furent des
 confie par leurs oultraites **Comment**
les flamens furent desconfie de mille
en trois batailles par les francoys

ce flamens se parurent
 en pour abeuer de pour
 per de cassel en ente
 ion que pour desconf
 fire le roy et tout son
 ost. **E**n fin d'icelle tournaill...

Виктор Васильевич Бушмин

Маршал веры. Книга третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69938719

SelfPub; 2023

Аннотация

Красивая и кровавая альбигойская драма, кровавые битвы при Мюре и Бувине будут переплеты о удивительное по увлекательности хитросплетение страстей. страхов, любви, ненависти, дружбы и предательств. Это не выдуманная фантастика, это реальная история средневековой Европы! Книга завершает трилогию "приквел" к "Альбигойскому Кресту".

Виктор Бушмин

Маршал веры.

Книга третья

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьба не всегда благосклонна к человеку, но всегда дает ему возможность проявить себя и попытаться все-таки рискнуть, и изменить ее.

А вот куда поведет тропинка, не знает никто.

Третья книга увлекательнейших исторических приключений одного из ярчайших личностей средневековой истории, так почему-то несправедливо забытого сейчас.

Это не фантастика, это куда увлекательнее и интереснее, ведь все, о чем я рассказываю на страницах этой и других книг серии «В тени Престола», в реальности происходило в Европе.

Надеюсь, что, возможно, чем-то и смогу вас удивить.

ГЛАВА I

Королевский совет

Король Филипп проводил экстренный совет в небольшой

комнате своего дворца в Париже. Он пригласил на него только несколько самых верных и преданных советников, которым, как считал он, можно было довериться...

В число приглашенных лиц входили только старый Рауль и рыцарь-госпитальер Герен.

– Мессирь! – Спокойным, как сталь, голосом произнес король. – Крайне важные и неотложные дела вынудили нас всех собраться в этой тесной комнатке.

Они смотрели и слушали короля.

– Дела на юге стали приобретать угрожающий характер и способны, вот-вот, выйти из-под нашего контроля! Папа Римский, все-таки, наконец-то может решиться на проповедование крестового похода против катаров! Наши гонцы (Рауль при этом кивнул) только что сообщили, что к графу Раймону де Сен-Жиль отправлен папский легат. Как его зовут, Рауль? – Тот хотел, было, сразу ответить, но король жестом попросил подождать, дабы не сбить, неровен час, его с хода мыслей. – Несмотря ни то, что Иннокентий признал наш сюзеренитет над этими землями, но становится неконтролируемым! Земли графа Раймона и графа Фуа находятся под сенью короны Франции и подсудны только мне! Моему королевскому суду!

Рауль прокашлялся, в последний год он стал немного задыхаться – ему, словно не хватало воздуха, и ответил:

– Папского легата зовут монсеньор Пьер де Кастельно, сир.

– Спасибо, Рауль. – Снова спокойным голосом продолжил Филипп. – Если, не дай Бог, Иннокентий объявит графа лишенным всех титулов и земель, а его земли «добычей» – для нас дело может кончиться плохо. Юг Франции с его, несколько иным, народом – это не Анжу и Нормандия!

Филипп к этому времени уже закончил присоединение земель графств Анжу, Мэна и Пуату.

Его лазутчики умудрились-таки собрать, пусть разрозненные и косвенные, но улики против Жана Плантажене в деле по «исчезновению молодого принца Артура де Бретань». Бароны и рыцарство Анжу, во главе с их сенешалем Гильомом де Рош, практически без сильного сопротивления, признали над собой власть короля Франции «до времени нахождения исчезнувшего наследника земель».

Но южные графства – это совсем иное дело! Филипп прекрасно понимал, что там царят другие правила игры, совершенно чужие нравы и обычаи. Придется, ох, как трудно...

– Согласно нашим данным, практически все рыцарство земель Фуа, Тулузы и Тренкавелей поддерживает, тайно или открыто, катаров! Как их там еще обзывают, позабыл? – Король сверкнул глазами на Герена.

– Альбигойцы, сир...

– Вот. Альбигойцы! – Он выдержал паузу. – Думаю, что надо сделать так, чтобы крестовый поход стали проповедовать только в наших землях! Юг Франции издревле, еще со времен Карла Великого, вотчина франкских королей! Зна-

чит – и судить графа «мечом и крестом» должно воинство франков с разрешения их законного сюзерена и повелителя, а не папы Римского!

Филипп посмотрел на советников. Они кивнули в знак согласия с его мнением.

– Прекрасно. Подготовить нужных нам людей. Все, повторяю, все должно быть под неусыпным и постоянным контролем... я слышал, что большинство наших рыцарей уже возвратились из крестового похода?

– Да, сир... – ответил Герен.

– Хорошо... а де Леви и «его товарищи»? – уточнил Филипп.

– Они тоже, сир... – поклонился Герен.

– Прекрасно. Он в свое время уже побывал в этих землях и должен помнить, что там и как... вызовите его, немедленно... нет. Будь готов разослать гонцов по моему приказу.

Советники встали, поклонились и собирались уже покинуть своего господина, когда Филипп произнес:

– Рауль! Задержитесь еще ненадолго...

– Слушаюсь, сир.

Герен поклонился и вышел, оставив их вдвоем.

– Надо будет сделать что-то такое, из ряда вон выходящее, чтобы папа сам обратился ко мне с просьбой о помощи...

– Слушаюсь, сир...

– Чтобы папа признал, что только моя воля повелевать, кому отдавать земли, а кому – нет...

– Слушаюсь, сир...

– Да перестань ты все время повторять одно и то же! Вот, послушай, что я придумал!..

Они подошли к окну, где стояли два простых деревянных табурета.

– Садись. – Филипп сел и указал на второй табурет. Рауль присел. – Граф Раймон, по своей сути, трусливый и мягкий человек. Он, как только поймет насколько опасно для него противиться воле папы и короля, станет позориться и унижаться – лишь бы спасти свои земли!

Рауль согласился.

– Графство Тулузы на востоке граничит с землями Прованса, где правит брат короля Педро Арагонского. Там нам нечего делать. Тем более, что эти земли принадлежат империи. С немцами мне сейчас воевать нет резона...

– Верно, сир.

– Провансский маркизат является также вотчиной Раймона, но, вместе с этим, является землями империи. Но. Есть еще графство Венессенское, спорный участок, где у графа мало земель. В основном, там все принадлежит монастырям и епископствам. В случае чего, признаем графство собственностью Рима...

Рауль молча слушал Филиппа.

– С юга и востока, граф Раймон граничит с землями Фуа и Тренкавеля. Это – спорные земли, где толком нет определенных границ вассальности. Тут хозяйничает Арагон! Мест-

ные владетели придумали отличный способ никому не подчиняться. Они попеременно признают себя – то подданными Арагона, то – графа Тулузы, то – меня, когда им совсем неумоготу становится!

– Верно, сказано, сир! – Хлопнул себя по колену Рауль.

– Вот. Значит. Первым делом наши «крестоносцы» должны будут атаковать, и разгромить земли виконта Тренкавеля и графа Фуа! Этим, мы «отрежем» графа Раймона от юга, от Испании и Арагона! Пусть этими землями будет владеть кто-нибудь из наших подданных.

– Герцог Бургундии? – Предложил Рауль.

– Да ты что – с ума сошел!!!

– А что такого, сир?

– Надо, чтобы ими стал владеть, какой-нибудь, менее родовитый сеньор. Чтобы у него не было могучего рыцарства под его знаменем. Чтобы он смог опираться только на свои, собственные, силы! Чтобы, когда закончится крестовый поход, ему трудно было удержать все захваченные земли под своей рукой. Чтобы, когда он, или его сыновья, утомившись в одиночку воевать с толпами альбигойцев, сами принесли нам все эти земли, согласившись на компенсацию! Или, того хуже – только бы живыми уйти оттуда!..

Филипп и сам удивился своим мыслям. Надо же! Еще лет десять назад, он и помыслить не мог об этом! Король подумал еще немного и сказал:

– Пока Герен будет готовиться отослать гонцов к рыцар-

ству Франции, подготовь мне указ о пожаловании рыцарю Ги де Леви звания маршала. Ведь, ежели нам свезет, и его святейшество отважится на объявление искупительного и очистительного крестового похода в земли, зачумленные ересью и погрязшие в беззаконии и тирании аспидов, нам надобно иметь в рядах воинства маршала, обличённого властью Господа в лице папы Римского и земным владыкой, в нашем лице. Ибо сюзерен на землях франков есть король франков, и токмо он полагает согласие на кару и раздает милости ...

Рауль поклонился и, не проронив ни слова, вышел, оставив Филиппа наедине со своими размышлениями.

«Жернова мельницы», как Филипп позднее прозвал свой план в отношении юга Франции, запустились...

ГЛАВА II

Жернова мельницы

Седьмого января 1208 года папский легат Пьер де Кастельно публично разругался с графом Раймоном де Сен-Жиль, графом Тулузы и маркизом Готии.

Ссора была вызывающе громкой и, самое главное, нарочито публичной!

Пьер де Кастельно, окончательно убедившись в нежелании графа встать на путь истинной веры, и возвратить церквям все что украл и отнял у них, отлучил его от церкви. Пьер,

не дождавшись окончания званого вечера и пира, покинул графа, оскорбив его прилюдно.

Он пригрозил ему скорыми и суровыми наказаниями.

Граф Раймон, жуткий позер и трус, в подражание королю Англии Генриху Второму, высказал сожаление в том, что «этот монах до сих пор еще жив»!

Также, помнится, сказал король Генрих перед убийством Томаса Бекета!

Рыцарство повскакивало со своих мест, желая выслужиться перед своим графом и повелителем. Тайные агенты короля Филиппа только и ждали этого, или подобного повода...

Возле города Сен-Жиль, прямо возле развилки на одноименный графский замок, папский легат Пьер де Кастельно был убит неизвестными рыцарями, судя по манерам и выправке, и одетыми в цвета графа Тулузского...

Папа Иннокентий III был поражен и возмущен до глубины души наглой выходкой графа и его «еретиков».

Он обратился, как того и пожелал в свое время король, к Филиппу Французскому с просьбой возглавить священный и очистительный поход рыцарей.

Король вежливо отказался, намекая на то, что во время его отлучки на его земли может напасть король Жан Английский.

Папа начинал злиться и паниковать...

Тогда Филипп, изображая «верного и покорного слугу святой католической церкви», разрешил проповедовать кре-

стовый поход на его землях, объяснив доходчиво папе Римскому, «кто в доме хозяин».

Папа Иннокентий согласился, признав право короля Филиппа вершить праведный суд над графом-изменником Раймоном де Сен-Жиль...

ГЛАВА III

Гонец

В двери спальни осторожно постучался слуга. Ги де Леви открыл сонные глаза, не понимая толком, откуда послышался шум. Он посмотрел на безмятежно спящую служанку, разметавшую свои прекрасные рыжие кудри по подушкам. Стук раздался снова. Ги резко толкнул ее, она вскочила с постели и, наскоро похватав свои одежды, убежала. Рыцарь потянулся, зевнул и, набросив халат, вышел из спальни.

– Мессир хозяин, прибыл королевский гонец. – Произнес слуга с перепуганным лицом.

– Спасибо, Жак. Я скоро буду. А пока прикажи начать угощать посланца короля. – Зевнул Ги.

– Уже исполнено, хозяин... – слуга поклонился и побежал вниз по лестнице.

«Зачем? Кто это?» – подумал с интересом Ги и пошел переодеваться.

Гонец – статный королевский конный сержант в доброт-

ном кожаном камзоле поверх кольчуги сидел за накрытым столом. Шлем свой, посланец поставил рядом, прямо на стол. Меч вместе с ножнами стоял, прислоненный к столу. Когда вошел Ги, сержант встал и поклонился, после чего произнес:

– Королевский конный сержант Жиль де Робмон. Королевский указ для вашей милости, мессир рыцарь Ги де Леви!

Сержант вынул из крепкого дорожного футляра свиток пергамента и, приложив его сначала к сердцу, протянул рыцарю. Ги взял пергамент и краем глаза отметил, что тот был скреплен большой королевской печатью.

– Вы, судя по вашему бравому виду – *дамуазо*, мессир сержант?

– Да, мессир рыцарь. – Поклонился Жиль, удивленный способностью рыцаря, вот так, с беглого взгляда, определить его принадлежность к «однощитовому», или бедному, рыцарству.

«Что-то важное...» – подумал он и вскрыл ленту пергамента. Он всмотрелся в текст, с трудом привыкая к витиеватым буквам латыни, и обомлел...

В парадный зал замка, тем временем, собрались практически все рыцари сеньора и шателен, который учтиво кивнул гонцу и, подойдя к Ги, тихо спросил:

– Что-то важное, мессир?

– Ну что ты! Гонец доставил мне указ Его величества о присвоении мне звания маршала кавалерии Иль-де-Франс. –

Стараясь напустить спокойный и равнодушный вид, сказал Ги. – Нам пожаловано особое звание маршала де Ла Фо (Веры), этим званием Его величество доверил мне и возложил на меня... – Только вот что возложил? Подумал Ги, – Что именно? И что дает титул «Маршала Веры» в войске, где и так соберутся все истинно верующие католики? Или это что-то другое.

Но он смолчал, решив для себя, что время само все расставит на свои места и откроет, когда будет положено смысл всего.

Гонец, услышавший, какой важный приказ он доставил, резко вскочил со стула и, припав на одно колено, произнес:

– Примите мои поздравления, мессир маршал!

– Слава королю... – спокойным голосом Ги.

Ги и сержант встали и поклонились.

– Отдохните пока с дороги, и вообще, почувствуйте себя как дома. – Ги пожал руку рыцарю. – Кушайте, пейте вино, в общем – отдыхайте. Мне надобно распорядиться к сборам.

К обеду из ворот замка выехал небольшой отряд рыцарей и конный королевский сержант. Впереди отряда развевалось квадратное боевое знамя де Леви. В голове отряда ехал его командир – рыцарь Ги де Леви де Сент-Ном, маршал де Ла Фо...

ГЛАВА IV

Король

Новоиспеченный маршал де Ла Фо прибыл в Париж, уже переполненный знатными сеньорами и рыцарями из королевского домена и недавно присоединенных земель. Ги де Леви с интересом рассматривал значки и флаги сеньоров, висевшими над входами домов, гостиниц и постоялых дворов.

Многие знатные сеньоры Нормандии, Анжу, Мэна и Ту-рени отозвались на воззвание начать «очистительный и богоугодный крестовый поход в земли Лангедока, дабы мечом покарать еретичных катаров-альбигойцев, равно как и рыцарство, примкнувшее к ним». Он и его люди, к большой удаче, разместились в большом родовом доме Бушара де Марли, еще не полностью занятого родичами-паломниками большого семейства Монморанси-Марли.

– Ги! Брат мой! – Выскочил встречать де Леви обрадованный встрече Бушар. – Я прослышал краем уха, что ты стал маршалом? – Бушар насупил брови, – прими еще раз соборное воззвание, дружище. Царствие небесное твоей супруге. Вот уже почти.. – он замялся

– Да, Бушар. Я – маршал де Ла Фо. – Скромно ответил ему Ги. – И вдовец скоро уже год..

– Крепись. К слову! Все «наши» уже здесь! И Симон, и Робер!

Вечером был большой торжественный прием рыцарства,

устроенный королем Франции. На этом приеме король через своего главного герольда представил баронам королевства нового «маршала де Ла Фо».

Герцог Эд Бургундский и другие знатные сеньоры, знающие Ги, наперебой кинулись поздравлять де Леви.

Позднее, после званого ужина, король пригласил Ги последовать за ним в небольшую комнату. Слуги закрыли за ними двери.

В комнате, освещенной светом пылающего камина и факелами, потрескивающими смолой, кроме них были еще двое. Брат Рауль и госпитальер Герен. Только доверенные лица короля.

Ги поклонился им. Они кивнули в ответ. Наступило небольшое молчание, прерываемое треском факелов и поленьев в камине.

– Ну, как настроение, маршал де Ла Фо? – Улыбнулся король, приглашая всех присесть для разговора.

– Нет слов, сир! Буквально – на седьмом небе! – попытался отговориться дежурными фразами Ги.

– Прекрасно, мессир маршал, – сказал король. Он пристально посмотрел на Ги. – Только короля своего обманывать грешно и... – Филипп выдержал паузу, – и преступно. Мы знаем о смерти вашей дражайшей супруги и скорбим вместе с тобой. – Король протянул ему руку для целования, Ги склонил колено и прикоснулся губами к королевскому перстню с печатью Филиппа. – Теперь же, мой верный пала-

дин, нам надобно переговорить с тобой о важных делах. Нет каких-то обстоятельств, кои я не знаю и которые могут помешать тебе присоединиться к новому походу, мессир маршал? Только честно...

Ги вздохнул:

– Последний крестовый поход, мягко говоря, меня морально опустошил, Ваше величество. Да и после смерти супруги, так и не подарившей мне наследников, у меня остро стоит вопрос о новой женитьбе.

Король закивал головой, понимающе подмигнув:

– Согласен. Жениться надо. Теперь о крестовом походе. Прошлый поход был калейдоскопом идиотизма. Вместо Иерусалима наши «молодцы» разорвали Византию на клочки!

– Да, сир...

– Но, если не ошибаюсь, ты и твои друзья не участвовали в этой вакханалии?

– Да, Ваше величество, мы воевали в Палестине...

Король посмотрел на советников.

– Сейчас – совсем другое дело, Ги. Мне и короне нужна твоя помощь. Помнишь, или уже забыл, свое путешествие в Арагон по землям Фуа и Тулузы?

– Как не помнить, сир! Оттуда я привез свою любимую супругу.

Король замялся, советники потупили головы.

– Дороги и прочие «достопримечательности», случаем, не

забыл? – С подковыркой в голосе спросил Филипп.

– Нет, сир. Все помню. К тому же, у меня еще сохранились черновые наброски...

– Просто прекрасно! В этом походе, чтобы он, не дай Боже (король перекрестился), не отвернул в сторону от цели, нужны именно такие, как ты, де Леви.

– Спасибо за добрые слова, сир...

– Не благодари. Лучше скажи мне, как ты охарактеризуешь своих товарищей по Палестине?

Ги подумал, после недолгой паузы сказал:

– Робер де Мовуазен – отличный юрист и законовед. У нас он заведовал «финансами» наших отрядов. Он мастер по созданию всяких осадных и штурмовых приспособлений...

Король кивнул...

– Бушар де Марли и я отвечали за осадные работы, оборону крепостей и фортов, заведовали снабжением, вооружением и провиантом...

– Прекрасно... продолжай, пожалуйста.

– Граф Симон де Монфор был, как бы Вам сказать удачнее, нашим главным стратегом. У него гибкий ум, он грамотный полководец, привыкший малыми силами громить врага, но...

– Что? – Король Филипп заинтересовался.

– Сир. Мессир Симон страшно вожделеет богатство и грезит о новых титулах, владениях и почестях... это – грех, сир.

– Ага... прекрасно. Я не ошибся... он-то, мне и нужен...

Ги удивился. Он прекрасно знал, что Филипп не любил стяжателей...

– Это просто отлично! – Громко хлопнув в ладони, сказал король. – Вы и будете там воевать...

Советники переглянулись и улыбнулись. Король разложил карту пред де Леви:

– Смотри. Земли графа Раймона «обложены» вассалами короля Арагона. – Он показал пальцем на владения графов де Фуа, Комминжа и владения виконта де Тренкавеля.

– Вижу, сир...

– Первым делом, быстро пройдя восточнее Тулузы, надо разгромить герцогство Нарбоннское и виконтство де Тренкавеля с главными городами Каркассон и Безье.

Ги понимающе кивнул.

– Второй волной, как можно быстрее, занимайте северные области графств Фуа и Комминж. Этим, вы отрежете графа Раймона от сношений и возможной помощи извне. Если, под шумок, погромите Бигорр и Беарн, ругаться не стану!

– Сир! Это, довольно-таки, трудно... – произнес Ги, всматриваясь в карту.

– Дней сорок, может, чуть больше, у вас будет большое войско крестоносцев во главе с герцогом Эдом и графами Невера, Осерра, Бара, плюс, множество нормандцев и анжуйцев, которые мечами будут «доказывать» мне свою верность.

– Это – чуть легче, сир.

– Да. Но, потом, когда они уйдут, исполнив свой «сорокадневный» поход, вам придется тужить. Останетесь только вы одни, ... может быть, еще несколько сеньоров, но небогатых...

– Будет тяжело, сир. – Грустно заметил Герен, молчавший до этого.

Король посмотрел на него, потом перевел взгляд на Рауля:

– Ничего, мы поможем. – Он кивнул, разрешая говорить советникам.

Первым начал Рауль. Старик немного дребезжащим голосом сказал:

– Мои агенты помогут вам. Да, можете рассчитывать на всех аббатов и прочих священнослужителей, которых поставят на восстановленные приходы. Это будут проверенные и надежные люди...

Он замолчал, переведя взгляд на Герена. Тот заговорил:

– Наемников небольшими отрядами будем присылать, по возможности. Денег подкинем, чтобы вы сами могли нанимать «провансальцев» и прочих «ребят удачи». Будет тяжело, но мы вас не оставим...

Король Филипп понял, что уже все необходимое было произнесено, сказал:

– Ты, естественно, понимаешь, Ги, что этого разговора вообще никогда не было?

Ги встал и поклонился:

– Да, сир, понимаю.

Король протянул ему руку для прощального целования. Ги встал на одно колено и прикоснулся губами к руке монарха.

— Удачи тебе, рыцарь Ги де Леви, маршал де Ла Фо в армии крестоносцев...

ГЛАВА V

В которой крестоносцы и Ги де Леви, маршал де Ла Фо, начали Альбигойский крестовый поход.

Целый год продолжались обмены гонцами между королевской Курией Франции и Римом.

Несмотря на кажущуюся простоту, Филипп прекрасно отдавал себе отчет в том, что касалось деликатности предстоящего крестового похода.

Кроме небольшого акта привлечения крестоносцев в эти земли в конце восьмидесятых годов прошлого столетия, никогда еще рыцарство Европы не выступало с оружием и священными хоругвями против земель католических князей.

Род Раймона де Сен-Жиль был одним из славнейших и могущественнейших феодальных семейств того времени.

Достаточно вспомнить, что предок графа Тулузы, знаменитый Раймон IV де Сен-Жиль, был одним из руководителей первого крестового похода и основателем графства Триполи в Палестине.

Правда, еще в то время, его, мягко говоря, «своеобразные» поступки вызывали негодование и недоверие среди остальной массы рыцарства, участвовавшего в походе. Чего стоила, к примеру, его «непонятная» верность символической клятве верности императору Византии, лишившая его возможности даже призрачной надежды на избрание королем Иерусалима вместо мессира Годфруа де Бульон.

Двуличность и постоянные изворотливости этого семейства уже порядком «поднадоели» многим.

Королю Франции, которому графы то приносили оммаж, то отказывались, сбегая к королю Англии.

Королю Арагона, вассалов которого граф Тулузы периодически притеснял, заставляя приносить оммаж за земли и замки, ранее подвассальные Арагону.

Наконец, надоел он и папе Римскому, которого граф постоянно «водил за нос» своими обещаниями исправить положение католиков в его владениях.

Плотина, долго копившаяся, прорвалась, выплеснув на земли юга Франции море крестоносного рыцарства, горящего желанием «разобраться с вероломным графом де Сен-Жиль, подозреваемым в ереси, и привести народ и земли Готии к свету истинной веры».

Заметьте, прямого обвинения графа в ереси не было.

«Подозрение в ереси» было, но это размытые формулировки. А вот, к примеру, о графах Фуа, Комминжа и виконте де Тренкавеле в призывании папы Римского вообще не было

и речи! Но...

Крестовый поход начался.

В конце весны возле города Лион стали появляться палатки крестоносцев.

Крест приняли: герцог Эд Бургундский, Эрвэ де Донзи граф – де Невер и де Осерр, Гуго де Шатильон – граф де Сен-Поль, граф Гильом де Бар, графы Фореца и Женевы из империи.

Множество баронов и рыцарей Франции, Италии и, что было самым удивительным, несколько сеньоров из юга Франции. Среди них особенно выделялись граф Бернар де Арманьяк, наследственный враг Тулузского дома, и виконт де Тюренн, прибывшие со своими вассалами.

Предводителями крестоносного войска было решено избрать герцога Эда Бургундского и аббата монастыря Сито, папского легата монсеньора Арно-Амори.

После недолгих колебаний, знатные владельцы и рыцари избрали главнокомандующим войсками мессира графа Симона де Монфор, отдавая дань уважения его вере и талантам полководца и стратега.

Ги де Леви, новый маршал де Ла Фо, был определен командующим арбалетчиками, ну а кавалерией крестоносцев поручили командовать Бушару де Марли.

Граф Раймон Тулузский перепугался не на шутку, понимая, что теперь эта армада ударит по нему. Его земли практически вплотную соприкасались с местами сбора кресто-

носной армии.

Герцог Бургундии, графы Невера, Осерра и Сен-Поля после принятия «креста» получили отдельное письмо короля Филиппа, их верховного сюзерена, которое предписывало им и их вассалам рассматривать данный крестовый поход как сорокадневный феодальный поход, предоставив им право возвратиться в свои земли. Бароны ничего не имели против этого решения их сюзерена.

Рыцарство пока без должной серьезности отнеслось к начавшейся войне и даже не предполагало, что этот поход перевернет всю Францию и затянет ее на много десятилетий в кровавую мясорубку религиозных войн.

Большинство сеньоров взяли с собой семьи, жен, детей и кучу прислуги, превращая армию в медлительную черепаху, едва ползущую с севера страны на юг.

ГЛАВА VI

Как Ги де Леви неожиданно женился во второй раз

Однажды, когда Ги по каким-то делам брел среди палаток крестоносного войска, его окликнули. Голос показался ему знакомым. Он остановился.

– Мессир де Леви? Доброго вам дня и крепкого здоровья... – из-за палатки вышел рыцарь приблизительно одних с ним лет. – Поначалу, я решил, что обознался, но... – он обезору-

живающе улыбнулся, – но, нет, не обознался. Это Вы.

Ги де Леви с интересом всмотрелся в его лицо – рыцарь действительно был ему смутно знаком.

– Мессир... если я не ошибаюсь... – он специально сделал небольшую паузу, как бы приглашая его назвать себя и свой титул.

– Мессир Пьер де Вуазен, сеньор де Бланшфор и прочая, – он поклонился с улыбкой. – Можно сказать ваш отдаленных сосед, мои замки как раз на границе с Шартром, на юго-запад от ваших владений.

– Бог ты, мой! – Ги обнял его. – Прости меня, Пьер, совершенно голову тут потерял со всеми этими заботами и делами похода. – Еще раз приношу свои извинения за невольную свою забывчивость и бестактность.

– Тебя можно понять, – ответил Пьер, – довелось услышать краем уха о твоём несчастье. Смерть любимой супруги все-таки...

– Ну и это тоже. Мы же с тобой, если не ошибаюсь, сначала порядком покормили вшей под Зарой, а потом случайно пересеклись под Сен-Жан-д'Акр. Так ведь?

– Все верно.

– А куда ты потом оттуда уехал? Ты же как раз вроде в порту кого-то дожидался...

– Да вот, решил было счастья попытать и подался под Константинополь. Его светлость де Фландр наобещал гор золотых... – кривая ухмылка его сама за себя все красноречиво

рассказала.

– От добра грех добра искать. – Отшутился Ги.

– Мне немного свезло даже... – похвалился де Вуазен. – После штурма успел урвать много чего из их храмов и дворцов. В общем, остался не в накладе.

– А чего с нами подался снова сейчас?

– Да скука дома заела, жена своим вечным ворчанием допекла... – Пьер махнул рукой обреченно, – как тебе сказать... есть такие... в общем горы золотые притащи... а им все мало и мало.... И «бу бу бу бу» целыми месяцами...

– В каждом плюсике есть огромный минусище... – присунул смеху де Леви.

– Поэтому я и оставил дома жену на хозяйстве... – Пьер кивнул в сторону большой палатки, – а вот недавно ко мне неожиданно-негаданно приехали матушка и сестрица. Видимо и им получше тут, чем с моей Бертрадой. – Кстати, пошли ко мне в палатку, заодно и представлю тебя им.

Ги попытался отказаться, но, принял его предложение.

– Ну, что же, не откажусь от бокальчика хорошего вина и милой беседы с дамами.

Пьер жестом подозвал оруженосца, что-то шепнул тому на ухо. Воин убежал выполнять распоряжения сеньора.

Они за пустым разговором прошли еще немного, Пьер приоткрыл полог, Ги вошел и увидел сидящих в походных креслах женщину лет около пятидесяти, наверное, и юную брюнетку с огромными глазами и длинными косами, краси-

во уложенными кольцами.

– Матушка, сестрица, – торжественно и с нескрываемой гордостью в голосе представил его Пьер, – Его светлость мессир маршал Ла Фо армии воинов Христовых, сеньор Ги де Леви, владетель Сент-Ном, шевалье... мой старинный приятель по походу на Константинополь.

– Полагаю, это излишне, Пьер, – покраснел Ги. – Я не думаю, что титул маршала Веры позволяет применять в обращении ко мне «его светлость» ...

– Моя дражайшая матушка, сеньора Эрменгарда де Вуазен, урожденная де Бланшфор. – Ги дежурно поцеловал ее протянутую руку. – Моя любимая сестрица, мадемуазель Жанна. (девушка стала пунцовой от смущения) – де Леви поклонился ей и коснулся губами нежной кожа на ее руке.

– Это честь для меня, сеньора Эрменгарда и мадемуазель Жанна.

– О! Кстати, у сеньора Ги дочку вроде бы также звать. – неуклюже вставил фразу де Вуазен. – Так ведь, Ги?

– Да. – Смутившись, ответил ему Ги.

Лицо матушки, бывшее до сей фразы выражением радушия, немного посуровело.

– Матушка, мессир маршал, к несчастью, недавно овдовел и потерял свою супругу...

Ги смутился, чем еще сильнее покори́л и мать и, что более важно, сестру Пьера – красавицу Жанну, которой недавно исполнилось шестнадцать лет и она, можно сказать, уже

засиделась в невестах.

В те времена замуж могли выдать чуть ли не с пеленок, после чего юная будущая невеста увозилась в дом жениха, где за ней следили, кормили и воспитывали до оговоренного срока.

Чаще всего сама свадьба намечалась на двенадцатилетие невесты или после наступления первой женской крови.

А то, что двадцатидевятилетний сеньор Ги был знатным сеньором, да еще и маршалом крестоносной армии, ну и по слухам еще и любимчиком самого короля, а также вдовцом с молоденькой дочкой от прошлого брака, это была несказанная мечта для практически любой невесты.

В отличие от своей чрезмерно серьезной и подозрительно недоверчивой матери, юная Жанна де Вуазен просто свети-лась искренней наивностью, чистотой и обескураживающей доверчивостью.

Девушка заслушивалась рассказами Ги, который в ее глазах казался каким-то непобедимым Ахиллесом, словно со-шедшим со страниц Илиады Гомера.

Его своеобразная манера вести беседу во время ставших частыми дневных прогулок по окрестностям крестоносного лагеря или верхом на лошадях в моменты перемещений ар-мии окончательно покорила девушку, которая просто влю-билась в него по уши, что не преминула отметить ее мама, которая прямо и безо всяких обиняков сказала своему сыну:

– Пьер, сын мой. – Она напряженно поджала свои губы, –

Твоя сестра не на шутку увлечена нашим частым гостем.

– Я не думаю, мама, что сеньор Ги просто пришелся по сердцу нашей Жанне, – ответил сын, не до конца понимая намеков матери.

– Пьер, господи, ты вроде сам отец, а не понимаешь меня и мои намеки. – Эрменгарда де Вуазен, а так звали его матушку, сердито нахмурила брови и топнула ногой. – Твоя сестрица влюбилась в него... – она сделала паузу, и потом добавила: – как кошка.

Рыцарь хохотнул, чем ее сильнее рассердил матушку.

– И ничего тут смешного вовсе нету. Нам надо думать, как организовать сватовство твоего товарища. Насколько я понимаю, он, хотя и не вот уж какого знатного и древнего рода, но обеспечен и... – она придала своему лицу многозначительное выражение, – сам его величество король привечает его, так что, или ты с ним поговоришь по-свойски, или... – она уперлась руками в бока, – мне придется самой строго спросить с него.

Пьер удивленно поднял брови:

– Вам, матушка? Строго спросить с него? Но, что? И о чем вы желаете спросить, ежели он ни в чем не согрешил... да и не виноват вовсе. Жанна у нас девушка увлекающаяся, романтичная и мечтательная...

Эрменгарда вздохнула и сказала:

– Я так и поняла. В нашей семье все всегда самое ответственное приходится делать самой. От вас проку мало...

Ги же, как назло, несколько дней не появлялся у них в гостях. Этим основательно взволновал и, откровенно говоря, перепугал не на шутку матушку Эрменгарду, которая решила, что ее сын проболтался рыцарю и тот попросту ретировался от греха подальше, и саму Жанну, которая уже невесть что себе навывдумывала, не находя себе места и скучая по де Леви.

И вот, по прошествии пяти дней к ряду, после дневной службы, которая проходила на виду большого собора в Бурже на огромной поляне, Ги де Леви, ни о чем себе не подозревая, снова заглянул в гости к своему приятелю Пьеру, но, вместо него буквально натолкнулся на мадам Эрменгарду.

– Желаю вам здоровья, уважаемая сеньора. – Приветливо улыбнулся и поклонился рыцарь. – Вот, если вы не возражаете, я хотел бы пригласить вашего сына на небольшую охоту. Так... сущая безделица... лишь бы время убить в этом нудном и медленном походе.

– Вам бы только развлекаться... – с показным недовольством ответила сеньора. – Но, мессир де Леви, я бы желала серьезно с вами побеседовать по одному весь неотложному и крайне деликатному и щепетильному делу.

Ги, вообще ничего не подозревая в столь витиеватом слогe сеньоры, приветливо улыбнулся.

– Я ваш покорный слуга и располагайте мною по своему усмотрению, мадам.

Эрменгарда жестом предложила ему присесть в тени по-

ходной палатки, в которой она размещалась.

— Речь идет о весьма и весьма деликатном вопросе и я, — она слегка наклонила голову, — прошу вас, прежде всего, выслушать меня предельно серьезно, ибо... — она сделала небольшую паузу, подбирая слова для продолжения. — Ибо на кону стоит честь одной знатной сеньоры и вопросы настолько неотложны, что именно это и вынудило меня, отринув этикет, напрямую обратиться к вам, маршал де Ла Фо, а не к его высочеству герцогу Эду.

— Воровство или какая иная ересь, прости меня Господи? — спросил ее рыцарь.

— Гораздо хуже... гораздо. Потеря чести... — она многозначительно повела бровями, стараясь придать своему лицу максимально возможную значимость и загадочность.

— Если кто-то из моих воинов часом набедокурил с кем-то из женщин вашей челяди, я строго спрошу с него и примерно накажу, а пострадавшую обеспечу хорошим содержанием, или... — он хлопнул рукой по своему колену, — заставлю жениться разбойника!

— Это я и желала услышать, да и только это, вне сомнений, и ожидала услышать из ваших уст, сеньор маршал. (Для сущей важности она просто изводила рыцаря титулом маршала)

— Благодарю вас, мадам. Соизвольте назвать мне имя...

Она как-то виновато улыбнулась, несколько неуклюже пожала плечами и, вздохнув, произнесла:

– Это вы, сеньор Ги...

Рыцарь опешил и уставился на нее удивленным взглядом.

– Простите, мадам... я? Ничего не понимаю...

– А тут и понимать-то в сущности нечего, мой дорогой сеньор обольститель. Вскружили, понимаете ли, голову моей несчастной и наивной доверчивой дочурке и... упорхнули незнамо куда. Она аж места себе не находит и извелась бедняжка, даже с лица похудела...

– Мадам, сеньора Эрменгарда... – Ги, если честно, был удивлен и обескуражен одновременно и настолько растерялся, что на мгновение потерял возможность вообще говорить что-то.

– Вот-вот... – сурово посмотрела на него мадам де Вуазен. Она почуяла, как опытная волчица, что противник ее растерян и деморализован и, следовательно, уже практически в руках. Осталось лишь довершить начатое. – Все вы, мужчины, таковы. Наговорите много красивого, вскружите девушке голову, наобещаете невесть чего... слава Господу, что она девушка у меня порядочная и блюдет себя, – она перекрестилась. – Хотя тут я вас хочу лишь поблагодарить и отметить вашу порядочность. (Это был еще один маячок, позволяющей ей манипулировать рыцарем)

– Я, мадам Эрменгарда, всегда с уважением относился к вашему сыну, вашему роду, сеньорите Жанне и вам... – Ги встал и поклонился.

«Ну, вот и все.» – в душе порадовалась своей быстрой по-

беде сеньора. Она протянула руку рыцарю для поцелуя.

Ги изобразил поцелуй приличия, после чего, на выдохе, выпалил скороговоркой:

– Приношу свои глубочайшие почтения и в знак уважения от чистого сердца и перед Господом Богом... – она невольно увидел, как испуганно побледнело лицо женщины. – Прошу вас благословения на сватовство и скорую женитьбу на вашей дочери Жанне...

Лагерь крестоносной армии, похожий на котел человеческих страстей, кипевший круглые сутки без перерывов, был немного ошарашен и удивлен помолвкой и скорой свадьбой Ги де Леви, найдя в этом событии новый повод для расширения границ своего и без того безграничного и безудержного веселья.

Рыцари и знатные сеньоры пьянствовали напропалую неделю к ряду, от чего к некоторым из них после этой фантастической попойки «по поводу и с продолжением» изволили наведаться черти и другая всевозможная (исходя из фантазий их воспаленного мозга) нечисть, разом подкинув работы многим монахам, клирикам и, естественно лекарям.

Но, даже в таких случаях, торговцы вином не проигрывали, а наоборот, наращивали выручку.

Ги, проводя со своей молодой женой Жанной несколько скомканный и импровизированный медовый месяц, вернее сказать – лишь пару недель, поставил свои палатки на удалении в полу-лье от основного лагеря.

Он с грустью понимал, что радости наслаждения своей молодой супругой у него вскорости сменятся тоской разлуки и рутиной войны, со всеми ее кровавыми мерзостями, от которых, увы и ах, но никоим образом не избавиться.

Но... красота Жанны, ее прекрасное молодое тело, томный взгляд ее огромных выразительных глаз из-под полуопущенных век, действовало на молодого воина лучше любых амурных снадобий. Шальные искорки в глазах девушки наполняли его волной страсти, цунами поглощавшей их и уносившей за горизонты бытия, в мир грез, наслаждений и любви.

Рыцарство решило предоставить молодым еще немного счастья и, отправив к нему вестового с известием о месте их следующего большого привала, словно длинная железная гусеница, двинулось к югу, направляясь к границам графа де Сен-Жиль...

ГЛАВА VII

Вторжение

Ги нагнал армию в положенное время и, на положении маршала крестоносцев, снова занялся решением повседневных вопросов снабжения и квартирования.

Но политика, большая политика, словно капризная и избалованная дорогая проститутка, снова решила выкинуть

свой очередной фортель и попытаться, если и не перевернуть все с ног на голову, то хотя бы внести сумятицу в очередной раз.

Симон де Монфор заволновался. А было чему. Армия крестоносцев медленно и с предосторожностями вступала во вражеские земли еретиков. Но, не меньше, его перепугался и граф де Сен-Жиль. Он «попятился назад», отправив покаянное письмо в Рим. Папа Иннокентий, перепугавшись собравшейся армадой рыцарей, благосклонно принял покаяние Раймона и...

18 июля 1209 года, на большой площади городка Сен-Жиль, напротив кафедрального собора, граф Раймон в присутствии всего рыцарства и двадцати архиепископов и епископов Франции и империи принес покаяние.

Его, словно прокаженного, раздели донага и провели по улочкам его города. Трясущийся и двуличный граф не вызвал сожаления у своих подданных, видевших его таким в первый раз.

Наоборот!

Они плевали ему вслед – презрение и омерзение вызвала у чувствительного народа эта выходка их властителя.

Граф Раймон вынес публичное унижение, признавшись во всех мыслимых и немыслимых грехах.

Рыцарей буквально выворачивало от этого зрелища!

Один из самых могущественнейших людей Европы стоял и позорился перед всем народом, словно какой-то проворо-

вавшийся юнец!

Под конец этого омерзительного, в том числе и для благородных рыцарей-крестоносцев, унижения, граф Раймон де Сен-Жиль «...торжественно принял крест и обязался преследовать всех мерзких еретиков-катаров, коих найдет на своих землях...».

Теперь уже чувство омерзения охватило крестоносцев! Как! Теперь им, верным католикам, предстояло, плечом к плечу, сражаться с альбигойской ересью вместе с этим моральным уродом Раймоном!

Раймон де Сен-Жиль облегченно вздохнул. Ему словно «плюнь в глаза – божья роса».

Он стойко перенес все предписанные ему унижения и спас, как ему показалось в тот момент, свои владения.

Он, под нажимом крестоносцев, написал гневные письма-воззвания к своим вассалам, требуя повиновения и аналогичного унижения и от них.

Гонцы отвезли эти бумаги... графу Раймону-Роже де Фуа, графу Бертрану IV де Комминж и виконту Раймону-Роже де Тренкавелю, вассалам короля Арагона!

Графы де Фуа и де Комминж немного подзадержались с расплывчатыми ответами, а виконт де Тренкавель ответил...

Лучше бы, он этого не делал...

Крестоносная армия, словно большая стальная река, вторглась в земли виконта Раймона-Роже и, практически не встречая сопротивления, 21 июля окружило город и кре-

пость Безье, одну из столиц виконтства...

В большой и богато украшенной палатке герцога Бургундии собрался штаб армии. Герцог Эд любезно предоставил свой большой шатер для собрания предводителей. Собрались все знатные сеньоры, включая немецких графов Фореца и Женевы. Приглашены были и граф Бернар де Арманьяк, старый и опытный воин, и виконт Раймон III де Тюренн.

Герцог Эд, самый знатный из присутствующих здесь баронов, предложил всем присесть и, откашлявшись для солидности, произнес:

– Итак, сеньоры! Город Безье блокирован. Его жители, исходя из своего ответа нам, сплошные еретики!

Он вопросительно посмотрел на верховного папского легата.

Монсеньор Арно-Амори кивнул герцогу в знак полного согласия с его словами. Герцог продолжил:

– Местность, в которую наши армии вошли, малоизученна и практически враждебна нам. Долго мы не можем осаждать этот сильно укрепленный город! Нас могут внезапно атаковать с тылу части, верные мессире виконту де Тренкавелю! Мое мнение таково – провести один решительный приступ. Если он окончится неудачей, немедленно отходить от города и, рассредоточившись на малые отряды, громить и сжигать замки местных сеньоров! Они все – сплошь еретики. Важно для нас причинить, как можно больший, вред населению и виконту, вынудив его пойти на мирные переговоры...

Наступило неловкое молчание. Сеньоры, многие из которых мало что понимали в стратегии войны, решили не рисковать лишний раз своими жизнями и готовы были практически согласиться и поддержать герцога...

– Герцог Эд! Одумайтесь! Что вы, представитель наихристианнейшего из королей – нашего сюзерена короля Филиппа, предлагаете нам! – Не выдержал и возмутился граф де Монфор. – Пойти «на попятную»? Никогда! Хватит нам одного позора – терпеть в своих, Богом благословенных, рядах мерзкого и двуличного графа де Сен-Жиля!

Рыцарство всполошилось. Слова, сказанные в запале, графом Симоном взволновали их. Мнения разделились.

Графа неожиданно поддержали немецкие рыцари и южные бароны, прибывшие из Арманьяка и Тюренна. Обстановка накалялась, угрожая стать неуправляемой...

– Мессирь! Благородные и благоверные бароны, «принявшие крест»! – Громко сказал легат Арно-Амори, подняв руку, на которой сверкнул изумрудом перстень папского легата. – Оба предложения верны! Оба имеют право на поддержку! Мое мнение таково – штурм города с Божьей помощью! Да благословит нас Бог!

ГЛАВА VIII

Безье

Утром 22 июля, после большой и торжественной мессы, проведенной легатом и священниками, крестоносцы сделали последнее предложение о выдаче еретиков и сдаче ключей от города Безье...

Требуше, неосмотрительно оставленный самоуверенными в своей безопасности жителями и рыцарями Безье, был подведен к городу и установлен напротив главных ворот. Камней было мало – всего пять...

Бушар де Марли, Гуго де Шатильон, граф де Сен-Поль и мессир Эрвэ де Донзи граф Невера и Осерра, руководили отрядами, задачей которых было пробитие ворот и захват плацдарма возле них.

К их радости, внутренние ворота города, отделенные от крепкого каменного барбакана мостом, были неисправны! Несколько дней назад кто-то подпилил верхние петли одной из створок.

Попытка гарнизона опустить решетку также была тщетной.

Неприступный, казалось бы, город Безье теперь зависел только от барбакана, комендантом которого был сеньор де Андюз – старый катар и опытный воин, семья которого уже несколько поколений открыто исповедовала альбигойскую ересь.

Сеньор де Андюз собрал под своим командованием только проверенных бойцов, в храбрости и выдержке которых он не сомневался...

Первые два камня, выпущенные из требюше по воротам барбакана, были, можно так сказать, пристрелочными. Граф Эрвэ приказал немного ближе придвинуть требюше:

– Мессир де Марли, вы не возражаете, если наши ребята немного придвинут к барбакану эту «дуру»? – Граф де Невер, приподняв шлем так, чтобы открылось его лицо, спросил Бушара.

– Ну, если вам так будет сподручнее, мессир Эрвэ... – пожав своими широченными плечами, согласился де Марли.

Граф улыбнулся добродушному и, казалось бы, равнодушному виду де Марли и приказал воинам придвинуть требюше еще шагов на тридцать.

Это было очень опасно, так как персонал и воины стали практически удобными мишенями для арбалетчиков врага, засевшими за крепкими стенами каменного предмостного укрепления.

Эрвэ не ошибся. Первые же прицельные залпы осажденных катаров уложили добрую половину его пехотинцев, успевших, правда, зарядить и взвести требюше.

– Куда! Назад! Придвинуть павезы и изгороди к требюше! Не смей отступать! – Кричал граф своим воинам, которые, из страха смерти, стали отходить от требюше. – Вот я вам, негодяи!!!

Он повернулся к спокойному и невозмутимому на вид де Марли и сказал:

– Вот прохвосты! Ты только глянь на моих трусов! Ката-

ры стрельнули разок, а они уже в штаны «наделали», мессир Бушар.

Бушар в это время спокойно с помощью оруженосцев приводил свою амуницию в порядок. Он надел крепкий гамбезон, простеганный войлоком, под кольчугу и сейчас был занят тем, как его оруженосцы закрепляли на его спине щит, позволявший ему орудовать двумя руками. Его здоровенный *меч-бастард* держали рядом с Бушаром двое молоденьких пажей с перепуганными лицами. Де Марли на секунду оторвался от занятия и, повернув голову к Эрвэ, спокойным голосом сказал:

– Дорогой Эрвэ, вы уж, постарайтесь пробить ворота сами, а уж за мной – «не заржавеет»!

Отряд его рыцарей уже спешил и окончил приготовления к пешей рукопашной атаке. Рыцари закинули за спины тарчи и щиты, чтобы было удобнее рубить и колоть врага обеими руками. Оруженосцы же вынесли вперед большие павезы, чтобы прикрыть атакующих рыцарей от стрел осажденных.

– Ну, раз такое дело! Тогда... я пошел! – Крикнул граф Эрвэ де Донзи и, надвинув свой шлем на голову, пошел к требюше. Он прикрылся большим щитом, в который сразу же, как он приблизился к требюше, попали несколько арбалетных болтов. Щит затрещал от их мощных ударов, но выдержал. Граф пошатнулся от силы попавших в его щит болтов, но продолжал медленно двигаться.

Бушар следил за движениями графа Эрвэ. Он поднял руку, давая команду своим рыцарям-крестоносцам начать атаку по его сигналу. Отряд напрягся, готовясь к решительному рывку через пространство, грамотно простреливаемое арбалетчиками из барбакана.

Граф Эрвэ после еще нескольких выстрелов из арбалетов, разбивших его крепкий щит на кусочки, отбросил его жалкие обломки и, выхватив свой боевой топор, подбежал к требюше. Он перерубил канат...

Камень, выпущенный из требюше, с оглушительным треском проломил ворота так, что одна из его створок упала, обнажив проход...

– Вперед, господа! Наше время пришло! – Махнул рукой Бушар де Марли, устремившись по направлению к воротам барбакана. Четкая группа, выстроенная в три колонны, рванулась к воротам. Засвистели стрелы защитников.

Павезы выдержали первый залп, но большинство их тут же пришлось выкинуть. Стали падать раненые и убитые оруженосцы и прислуга...

Рыцарь де Андюз лихорадочно отдавал приказы, пытаясь наскоро завалить пролом ворот и выстроить копейщиков и арбалетчиков. Вдруг, он услышал громкий боевой клич наступавших крестоносцев и, повернувшись, увидел, как в проломе показалась громадная, словно у медведя, фигура Бушара де Марли с чудовищным мечом-бастардом...

– С нами Бог и «Орел де Марли»! – Проревел сквозь про-

резь своего большого шлема Бушар.

Гуго де Шатильон, шедший рядом с Бушаром, немного попятился, опасаясь арбалетов врага. Бушар повернул голову к нему и прорычал сквозь прорези шлема:

— Гуго! Дружище! Не пристало тебе, родичу славного Шатильона, убитого самим Саладином на поле Хаттина, пятиться, словно раку! Ё моё! Хватит дурака валять! Пошли «работать» мечами! Вон, сколько голов мерзких еретиков торчат еще на плечах!!!

Он, не сбавляя темпа бега, врубился в нестройные еще ряды защитников-копейщиков. Граф де Сен-Поль устремился за ним, наплевав на страх быть сраженным болтом. Словно крылья жуткой мельницы смерти их мечи врубились в головы и тела катарских воинов, собирая кровавую жатву.

Ну а рыцари их отрядов довершили разгром защитников, на плечах которых ворвались через мост в город Безье...

Старый рыцарь де Андюз был разрублен мечом де Марли одним из первых. Он лежал и, истекая кровью, смотрел своими, постепенно мутнеющими и темнеющими глазами, как крестоносцы теснили его воинов...

Граф Эрвэ ворвался со своим отрядом следом за Бушаром и стал организовывать оборону плацдарма. Он отослал одного из своих рыцарей к командующему армией и папскому легату, чтобы уточнить кое-что, волновавшее многих из крестоносцев. Отряды остальных знатных сеньоров устремились в город Безье, создав на некоторое время давку возле

захваченного и горевшего барбакана и на мосту.

Рыцарь с большим трудом пробился сквозь эту живую реку, всю сплошь из стали, и подскакал к палатке командующего...

Арно-Амори, верховный папский легат и духовный лидер крестового похода, сидел возле палатки герцога Эдда, окруженный монахами и слугами.

Герцог Эд и Симон де Монфор сидели возле легата.

Руки Арно-Амори, сплошь унизанные драгоценными перстнями, нервно перебирали четки, выточенные из палестинского кедра. Прелат смотрел на стальную гусеницу, медленно вползающую в захваченный и начинающий гореть город Безье...

Рыцарь соскочил с коня и, припав на колено, произнес:

– Монсеньор! Благородные сеньоры командующие! Барбакан и ворота в город захвачены и удерживаются отрядами благородных сеньоров де Донзи и де Марли! Их высочество де Сен-Поль сейчас продавливает еретиков вглубь крепости...

– Мы видим и славим Бога! – Торжественно ответил прелат. – Это всё, для чего тебя послал Его светлость де Невер?

– Нет. Его светлость просил узнать у Вас, монсеньор легат, как его воинам и остальным крестоносцам отличить в пылу боя праведных католиков от еретиков-катаров? – перекрестившись, спросил рыцарь.

Легат подумал немного, потом, осенив себя и город кре-

стом, ответил:

– Передайте мессирам баронам и остальным праведным воинам Креста – пусть убивают всех жителей этого окаянно-го и, проклятого Богом, города Безье! Наш пастырь небес-ный сам разделит свои стада агнцев от козлиц еретиков, от-правив их души гореть в аду!!!

Рыцарь встал, поклонился и усакал...

К наступлению сумерек 22 июля 1209 года, в городе Безье... не осталось в живых ни одного жителя! Горящий город был практически разрушен, а стены и башни скрыты с лица земли. Зарезано и сожжено на кострах было более пяти тысяч...

ГЛАВА IX

Каркассон

Раймон-Роже де Тренкавель, виконт Безье и Каркассона, наспех организовывал оборону другой своей столицы – Каркассона, когда до него долетела жуткая весть о резне, устроенной крестоносцами в Безье...

Городки и замки его земель сдавались практически без сопротивления.

Население было раздавлено страхом перед армией крестоносцев, сумевших быстро захватить неприступный ранее Безье.

Сеньоры уходили в горы, прятались в лесах, организовывая банды грабителей и некое подобие партизанских отрядов.

Но, это были «булавочные уколы», неспособные остановить грозного врага, освящавшего их земли кострами, на которых десятками сотнями сжигались еретики и просто мирные жители, забывшие слова молитв на латыни...

Раймон де Терм – один из богатейших баронов Тренкавеля, предложил виконту оставить город и отступать в горы, к его неприступному замку или в Арагон, спасая свою жизнь.

– Спасибо, верный де Терм. – Грустно ответил Раймон-Роже. – Лучше я сдамся на милость врагу, но спасу жителей Каркассона!

Он приказал всем мирным жителям и рыцарям покинуть город и бежать в горы или спастись в Арагоне, ища милости и защиты у их законного верховного сюзерена – короля Арагона Педро Защитника.

Повозки, группы конных людей и толпы пеших беженцев устремились из Каркассона на юг...

Виконту шел шестой десяток лет.

Раймон-Роже де Тренкавель не относился, как граф Тулузы, к числу пугливых и осторожных людей. В своей жизни виконт придерживался двух принципов – свободы и справедливости.

Свободу свою виконт утверждал, постоянно лавируя между Арагоном и Тулузой, обирая к своей выгоде «двух маток».

Второй из своих жизненных принципов Раймон-Роже — справедливость, утверждал, придерживаясь логики, здравого смысла и римского права, видоизмененного немного катарскими идеями.

Вот и сейчас, Раймон-Роже решил лишний раз не рисковать, а понадеялся на справедливость и помощь короля Арагона.

Виконт направил гонца с письмом к королю Педро, прося защиты, поддержки арагонскими войсками и... заступничества перед папой Римским, представленным здесь легатом Арно-Амори. С ним оставались только слуги, числом не больше трех десятков человек, да верные рыцари. Рыцарей было всего лишь двенадцать...

Передовые отряды крестоносцев, руководимые Ги де Леви, маршалом де Фо, увидели Каркассон утром первого августа 1209 года...

Город казался заколдованным. Подъемный мост, соединяющий крепость и город с округой, был опущен. На башнях города не было видно вооруженной стражи. Весь город словно обезлюдел.

Ги отправил гонца с этим странным и, неожиданным для Симона и остальных крестоносцев, известием.

Армия, отягощенная повозками, подошла к Каркассону только к полудню...

После небольшого совещания, проведенного вождями крестоносцев из-за опасения возможной ловушки, передо-

вые части графа Эрвэ, Бушара де Марли, графа Гуго де Сен-Поля и графа Бернара де Арманьяка вошли в город.

Они, со всевозможными опасениями и выставив впереди себя арбалетчиков, следивших за окнами и крышами домов, медленно продвигались к центру города. Они увидели цитадель, также оставленную защитниками.

Хотя, нет! Показались рыцари...

Раймон-Роже де Тренкавель, в сопровождении своих верных рыцарей, пешком и с непокрытой головой, вышел навстречу крестоносцам, медленно и, как бы испуганно и растерянно, приближавшимся к цитадели города...

Граф Эрвэ поднял руку, приказывая воинам остановиться. Он всматривался сквозь прорези его шлема, похожего на большое и перевернутое ведро, на приближающуюся к нему процессию...

Седой и пожилой рыцарь крепкого телосложения вдруг громко крикнул:

– Я – Раймон-Роже де Тренкавель, милостью Божьей и славного короля Арагона Педро Защитника, виконт Безье и Каркассона! Из благоразумия и любви к своим подданным я сдаюсь на милость предводителей крестоносной армии! Мне непонятно, почему «Армия Креста» напала и разоряет мои владения! Ведь, если я не ошибаюсь, против меня не было выдвинуто обвинений в «ереси» или пособничестве ей! Вот – мой меч!

Виконт протянул графу Эрвэ свой меч.

Граф Эрвэ ответил:

– Мессир виконт! Оставьте свой меч при себе, пока. Вы, как человек, несомненно, благородный и порядочный, можете оставить фамильное оружие под честное слово не обнажать его против крестоносцев.

Виконт, удивленный рыцарскими манерами крестоносца, учтиво поклонился.

– Ваших рыцарей, после принесения присяги на верность святой католической церкви и главам крестового похода, мы отпустим! – Глухо добавил из-под шлема Эрвэ.

К нему подъехали Бушар и Гуго де Шатильон, которые с интересом и удивлением рассматривали виконта.

Де Тренкавеля со всем почтением и соблюдением уважения отвели в лагерь и разместили в палатке, охраняемой крестоносцами. На полдень 15 августа, после утренней мессы, должен был состояться суд над ним. Крестоносцы собрались судить, как еретика и вероотступника, одного из высших сеньоров Юга Франции, который ни разу не был уличен в ереси...

ГЛАВА X

Суд

В большом и просторном зале дворца, еще вчера принадлежавшего семье Тренкавелей, собрался весь цвет кресто-

носного воинства.

Зал был полон. Оставшиеся сеньоры, кто не так родовит и менее знатен, заполнили все свободное пространство перед дворцом.

Маршалу де Ла Фо и его воинам-арбалетчикам было приказано организовать оборону сдавшегося Каркассона.

Ги де Леви и не возражал...

Он прекрасно знал, чем, скорее всего, должно будет закончиться это «судилище»..

Ну а мы перенесемся в зал суда.

Виконт Раймон-Роже де Тренкавель стоял с непокрытой головой и без меча перед трибуналом, в котором предводительствовал легат Его святейшества папы Римского монсеньор Арно-Амори.

Другими членами трибунала крестоносцев были: герцог Эд, граф Эрвэ де Донзи, граф Гуго де Шатильон и де Сен-Поль, граф Бернар де Арманьяк, граф Жан де Форез, граф Жиль Женевский и виконт Раймон де Тюренн.

Симон де Монфор, получил накануне письмо от короля Филиппа. Граф сидел неподалеку, чуть поодаль. С ним расположились его верные друзья де Марли и де Мовуазен...

– По какому праву вы, монсеньор легат, и вы, благородные бароны, напали на мои земли? – Негодовал виконт. – Земли подвассальны Арагону, а не графу Тулузы, против которого и был, в сущности, объявлен крестовый поход!

Арно-Амори разозлился наглости виконта, смевшего

учить его – легата папы Римского, законности. Он едва сдержался, чтобы сразу же не перейти на грубость:

– Вы, мятежный виконт де Тренкавель, являетесь также и вассалом раскаявшегося графа Раймона де Сен-Жиль! Почему вы, получив его письмо и воззвание, не прибыли и не вручили себя и «своих людей» в руки церкви?!

Виконт, улыбнувшись, ответил:

– Только малая часть моих земель, якобы подвассальная Тулузе, я повторяю всем вам, сеньоры! Якобы, какая-то земля принадлежит графу де Сен-Жиль! Вы все владельцы леннов или аллодов и прекрасно понимаете мои слова. Нет ни у кого и нигде четких границ. Но вы, нарушив неписанные правила, вторглись в другие земли, неся разорения и убийства! Даже если Безье и относится к лену, условно и весьма спорно зависящему от Тулузы, то остальные земли, города, замки и народ приносили оммаж королю Арагона – нашему законному сюзерену! Этому есть свидетельства! Этому есть подтверждения, которые можно отыскать в архивах монастырей или курии короля Арагона.

Знатные бароны-крестоносцы засомневались в правомочности своих прошлых деяний. В их глазах промелькнула неуверенность и сомнения...

– Я, по праву, данному мне Его святейшеством, могу и обязан преследовать, и искоренять ересь везде, где она прячется! – Арно-Амори, загнанный в тупик грамотными словами защиты виконта, решил упираться исключительно на при-

каз Рима. – Крестовый поход не подчиняется светским законам и не обязан соблюдать границы королевств или иных христианских княжеств! Вы, Раймон-Роже де Тренкавель, бывший ранее виконтом Безье и Каркассона, объявлены «лишенным всех земель, людей и титулов»! Согласно повелению Его святейшества Иннокентия, папы Римского и наместника Церкви Святого Петра на земле, все ваши земли объявляются «добычей»!

– Вы не имеете права лишать меня того, что было вручено мне не папой Римским и не вами, а королем Арагона! Арагон стоит на страже святой церкви от полчищ испанских мусульман и африканских берберских орд! Арагонское королевство есть и останется светочем истинной католической очистительной борьбы с иноверцами! Это незаконно! Вы все – разбойники и грабители, прикрывающиеся символом нашего Господа! Я презираю вас!!!

Рыцарство вскочило со своих мест, возмущенное наглостью, как им сейчас показалось, выпадом и поведением виконта.

Симон де Монфор незаметно улыбнулся. Он посмотрел на лица растерянных баронов, все еще мучавшихся сомнениями, потом на своих друзей...

– Караул, уведите бывшего виконта де Тренкавеля и заprite его в башне крепости, приставив охрану! – Повелел Арно-Амори властным голосом.

ГЛАВА XI

Симон де Монфор на седьмом небе от счастья

Виконта увели. Легат встал и посмотрел на собравшихся рыцарей. Медлить было нельзя!

– Согласно булле нашего папы Иннокентия, я – легат Его святейшества, монсеньор Арно-Амори сегодня намерен передать все конфискованные владения, принадлежавшие ранее семье де Тренкавель, одному из знатных сеньоров, который участвует в настоящем походе!

Раздался шум. Рыцари заволновались. У герцога Эдда вдруг разболелось сердце...

– Высокородный сеньор Эд Третий, герцог Бургундии, шевалье! – Вдруг громко и торжественно произнес легат. – Вручаю вам и вашим наследникам титулы и владения, входящие ранее в домен в Тренкавеля! Вам надлежит немедленно вступить во владения и принести оммаж сюзеренам за новые владения!

Герцог побледнел. Его сейчас мучили сомнениями в правомочности нападения на земли виконта.

Слова несчастного и, как он понимал в глубине души, несправедливо осужденного Тренкавеля звенели колоколами совести в голове герцога.

Герцог встал, обвед взглядом лица собравшихся, тяжело вздохнул. Все это судилище было как-то «шито белыми нитями», да и к тому же, владения виконта находились очень

далеко от его домена...

— Я отказываюсь от этого, весьма лестного для моей скромной персоны, предложения! — Громко заявил Эд. Он принял решение. — Я всего лишь воин Христа, а не поработоритель.

Зал оживленно загудел. Бароны еще больше растерялись и разволновались.

Самое удивительное, что граф Эрвэ и граф Гуго де Сен-Поль накануне получили весьма интересные письма от короля Филиппа.

Графу Эрвэ Филипп рекомендовал воздержаться от возможного предложения, намекая на скорую возможность округления Невера и Осерра за счет соседней части Оверни. Гуго де Сен-Поль было обещано, в случае скорой и, несомненно, победоносной войны с Фландрией, присоединение части земель этого графства, граничащих с владениями де Сен-Поля.

Над залом повисла напряженная тишина.

Арно-Амори сделал предложение графу Эрвэ.

Тот отказался, сославшись на то, что «сорок обязательных дней» феодальной экспедиции скоро заканчиваются, а у него нет сил и времени вступать во владение виконством, отдаленным от его земель.

Арно-Амори начинал нервничать. Ход трибунала, еще совсем недавно проходившего, как по маслу, теперь становился неопределенным.

Он провозгласил графа де Сен-Поля...

Гуго де Сен-Поль ответил просто и кратко:

– Я не хочу. Не хочу и всё тут.

Легат был деморализован. Все, решительно все, отказывались, приводя в качестве аргументов какую-то ерунду и отговорки.

«Неужели, они все вняли словам виконта Раймона-Роже и засомневались в правоте нашего похода?» – испуганно подумал легат.

Он собрался с мыслями.

Кто еще остался?

Аквитанские сеньоры и германцы отпадали... оставался главнокомандующий войсками, Его светлость граф Симон де Монфор и маршал де Ла Фо, шевалье Ги де Леви...

Легат рискнул и поставил на... Монфора.

Симон де Монфор, ждавший этого момента, словно лев в засаде на антилопу, вышел на середину огромного зала и.. согласился!

Арно-Амори облегченно вздохнул. Но, тут уже настала пора и Симону поволновать легата.

– Мессиры бароны и благородное рыцарство! – Выступил Симон де Монфор. – Я принимаю во владение земли! Но! Только при одном условии!

Зал посмотрел на Симона.

– Дайте мне обещание, если понадобится мне от вас помощь в деле защиты веры и владений от еретиков и смутя-

нов, прислать мне на подмогу своих рыцарей, или прибыть самим!

Зал восторженно загудел, одобряя слова графа де Монфора. Ги, Бушар и Робер поздравили «нового виконта Безье и Каркассона».

– Симон! Дружище! Поздравляем тебя! – Наперебой, за-
глушая друг друга, поздравили товарищи Симона.

– Спасибо, друзья! Теперь!.. Теперь, и я вас вознагражу!
Друзья! – зашелся от счастья Симон.

Его давнишние и сокровенные мечты о могуществе, богатстве и знатности становились реальностью. Эта реальность была достаточно сурова, но уже обрела реальные черты. Это были обширные, компактно расположенные и богатые земли виконства...

ГЛАВА XII

Суровая действительность

Рыцарство постепенно, как-то незаметно, покидало Симона де Монфора.

Сорок дней обязательной и бесплатной феодальной службы, как им и повелел король Филипп, закончились.

У нового владельца земель не было денег для оплаты их услуг.

Вокруг Симона сплотились только его верные друзья и

около сотни бедных рыцарей, надеявшихся своим мечом и службой, заслужить земли и замки в покоренной, но еще не сломленной, земле южной Франции.

Король Арагона не пришел на помощь своему вассалу.

Педро, даже если бы он захотел, не мог бросить оборону границ своего королевства от воспрянувших мусульман.

Словно по злему уговору, молчавшие до этого года мусульмане Испании, снова стали затевать пограничные стычки и совершать рейды по землям королевства...

Народ захваченной, но еще непокоренной им страны не спешил «изъявлять верность» своему новому господину.

Симон и его рыцари были «франками», выходцами с «дикого и страшного севера». Они даже говорили не на «ок», а на «ойль»!

И этим было все сказано...

Чужаки. Захватчики. Франки.

Отчаявшись, Симон де Монфор решился на крайне недуманный «поступок» ...

– Прикажите согреть вина, да специй и мёд не экономьте, – приказал слуге граф и теперь еще виконт Безье и Каркассона. – Экономите на всем, скоро будете считать сколько я сделал вдохов и выдохов, наверное.

Никого, на счастье Симона, из его боевых товарищей не было в тот момент рядом.

Бушар с отрядом пытался пробиваться на юго-восток к Нарбонну.

Ги де Леви всерьез озаботился состоянием южных границ и пытался захватить хотя бы один из горных перевалов, соединявших земли виконтства с Руссильоном.

Ну а Робер де Мовуазен вместе в легатом Арно-Амори занимался объездом и проверками оставшихся католических миссий, разбросанных по всей территории.

Время выпало самое, что ни на есть, удачное.

Когда слуги принесли вина и поставили перед графом на подносе огромные куски дымящегося мяса, тот показно зевнул, перекрестил рот и, произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.